

Чжун Цзыци с тревогой посмотрел на Чжао Чжэнаня и поспешно спросил:

— Что случилось? Если не скажешь — я с тобой больше не буду разговаривать.

Этот приём всегда срабатывал безотказно. И правда — на лице Чжао Чжэнаня тут же мелькнула растерянность. Он крепко вцепился в край его одежды, словно боялся, что Чжун Цзыци действительно уйдёт и оставит его одного.

Чжун Цзыци смягчил голос, почти ласково:

— Скажи мне... что произошло? Кто тебя обидел? Я за тебя вступлюсь.

— Никто не обижал меня... — внезапно выпалил Чжао Чжэнань, в голосе его звенели раздражение и скрытая досада. — Это тебя обижают.

Чжун Цзыци не ожидал такого поворота — он на мгновение замер, а затем, уже с любопытством, спросил:

— Меня? И кто же? Тебе что-то наговорили?

Чжао Чжэнань не умел держать язык за зубами — всё, что услышал, тут же выложил, слово в слово пересказав слухи. А в конце, с особой серьёзностью, добавил:

— Моя жена... он не такая.

Чжун Цзыци, хоть и рассердился на деревенские пересуды, невольно отвлёкся, глядя на его искреннее, серьёзное лицо, полное доверия. В уголках губ мелькнула улыбка:

— И какой же я тогда?

Чжао Чжэнань склонил голову, задумался, словно подбирая самые точные слова, и наконец сказал:

— Моя жена — самая лучшая жена на свете.

Ему самому показалось, что лучше слов не найти — ни одно определение не подойдёт так точно. От этой мысли он даже расплылся в широкой, довольной улыбке.

Чжун Цзыци невольно рассмеялся сквозь лёгкую беспомощность, но в груди уже тёплой волной разливалось чувство — трогательное, почти нежное. Иногда и правда не нужно ничего особенного: одно слово поддержки, одно тихое утешение — и они становятся самым крепким клеем, мгновенно скрепляющим трещины в душе.

— Ладно, не будем злиться, — мягко сказал он. — Пусть говорят, что хотят. От этого у нас ничего не убудет.

— Но почему они так говорят? — всё ещё недоумевал Чжао Чжэнань.

Чжун Цзыци на мгновение задумался, а потом тихо ответил:

— Потому что... завидуют.

— А что такое «завидуют»?

— Это когда у нас есть что-то, чего у них нет. И от этого им становится не по себе... вот они и злятся.

Чжао Чжэнань нахмурился, словно пытаясь осмыслить услышанное, и неуверенно произнёс:

— Тогда... может, мы можем поделиться с ними? Тогда им станет лучше...

— Это наше. Если мы отдадим им — у нас ничего не останется. Что ты тогда будешь делать? — Чжун Цзыци мягко, но настойчиво вернул вопрос обратно.

— Мм... тогда лучше не отдавать, — не раздумывая ответил Чжао Чжэнань. — Я не хочу, чтобы жена расстраивалась.

Чжун Цзыци удовлетворённо кивнул. Дело было не в жадности — просто он должен был заранее уберечь Чжао Чжэнаня от чужих уловок, чтобы никто не смог воспользоваться его простодушием.

— Ладно, хватит об этом. Иди лучше набери воды, — он протянул ему деревянное ведро. — Отнеси за дом.

Проблема, казалось, сразу перестала существовать для Чжао Чжэнаня — настроение вернулось, и он, весело подпрыгивая, схватил ведро и побежал к колодцу.

Чжун Цзыци, успокоившись, вернулся во двор. Трое ребятишек всё так же послушно сидели на месте. Увидев его, они дружно и аккуратно поздоровались:

— Брат Цзыци!

В доме у Чжун Цзыци не было ничего особенного из угощений — лишь немного фруктов. Он выбрал самые красивые и протянул детям:

— Возьмите. Сегодня Чжэнань не сможет с вами поиграть. В другой раз, хорошо?

Дети радостно приняли угощение, поблагодарили и, прижимая фрукты к груди, один за другим разбежались.

Заперев ворота, Чжун Цзыци взял инструменты и направился в огород. Копать, сеять, поливать, засыпать — всего четыре простых шага. Но когда они вдвоём закончили, уже опустились сумерки.

Грядки были засажены — и Чжун Цзыци наконец с облегчением выдохнул. Это был его первый опыт, и в груди невольно зарождалось тихое ожидание — почти детское, тёплое.

Вечером он приготовил жареные свиные кишки с молодыми огурцами. С утра ещё остался костный бульон — стоило лишь разогреть. Один горячий блюдец и один суп — просто, но сытно и вполне сбалансированно. Чжун Цзыци остался доволен... а Чжао Чжэнань — более чем: он наелся до отвала.

После ужина они по очереди вымылись и рано легли спать. В такие времена не было ни развлечений, ни лишних забот — рано ложиться и рано вставать было естественным порядком вещей. К тому же день выдался тяжёлым: усталость накрыла их без остатка. Ни бессонницы, ни лишних мыслей — едва коснувшись постели, оба почти сразу провалились в сон.

...

Великий канал тянулся с севера на юг, словно живая артерия, соединяющая два мира. Он не был особенно широк, но поражал своей длиной. Торговые суда с севера везли товары на юг по воде, а южане отправляли свои диковинки на север, продавая их по высокой цене. Если умело вести дела и не бояться дороги, достаточно было несколько раз пройти этим путём — и богатство становилось вполне достижимым. Лишь бы не встретить пиратов и не попасть в бурю.

В тот день стояла ясная, слепящая погода. Ни малейшего ветра — зной давил на грудь, делая дыхание тяжёлым.

С юга медленно приближалось большое судно. На мачте высоко развевался флаг с иероглифом «Гао» — знак того, что это далеко не обычный торговый корабль.

— Молодой господин, впереди небольшой городок. Не желаете остановиться и передохнуть?

На носу стояли двое. Говорил крепкий мужчина с густыми бровями и открытым лицом. Он чуть склонился, обращаясь с уважением.

Тот, кого он назвал господином, лениво опирался на перила. Чёрные, как тушь, волосы спадали на плечи, кожа была почти белоснежной. В его облике мягкая, утончённая красота странным образом сочеталась с едва уловимой внутренней силой — он казался хрупким, но вовсе не слабым.

Услышав вопрос, мужчина чуть приподнял веки и лениво отозвался:

— Тогда причаливаем. Столько дней в пути... стоит сойти на берег, отдохнуть. Заодно выгрузим часть товара.

— Есть, — крепкий мужчина сложил кулаки в почтительном жесте и, получив приказ, удалился отдавать распоряжения.

На носу остался лишь один человек. Он по-прежнему стоял, опираясь на перила, и смотрел вдаль. Но если присмотреться внимательнее, можно было заметить — взгляд его был пустым, рассеянным. Мысли его давно унеслись куда-то далеко, прочь от этого берега.

...

У прилавка Чжун Цзыци дела, как всегда, шли хорошо. Он прекрасно понимал: этот успех — лишь на один сезон. Лето закончится, и вместе с ним спадёт и поток покупателей.

Значит, нужно будет искать что-то новое.

Чем больше он думал, тем яснее становилось: быстрее всего деньги зарабатываются именно торговлей. Возиться с клочком земли или батрачить на других — слишком медленно. Да и ни он, ни Чжао Чжэнань к этому не приспособлены.

Он уже принял решение — идти этим путём до конца.

А потом... когда денег станет достаточно, вернуться в деревню, построить большой дом, нанять несколько слуг — и прожить жизнь спокойно, ни о чём не тревожась. Одна только мысль об этом наполняла его тихим, почти сладким чувством счастья.

— Быстрее, быстрее! А то не успеем!

— Не думал, что они так скоро придут!

Шум, сначала далёкий, быстро нарастал. Чжун Цзыци поднял взгляд — и увидел, как толпы людей устремляются в сторону причала.

Даже те, кто сидел за его лапшичной, перестали есть. Один из них схватил пробегающего мимо человека:

— Что случилось? Куда все так спешат?

Тот был явно не в настроении объяснять — раздражённо вырвался и, не останавливаясь, бросил на бегу:

— Прибыл большой торговый корабль!

Эти слова словно взорвали всю пристань.

Нет — взорвались, скорее, люди.

Те, кто зарабатывал тяжёлым трудом, сразу поняли: это означает крупную работу. Не до еды — они бросали миски с лапшой и мчались к причалу.

За считанные мгновения улица опустела. У прилавков остались лишь редкие прохожие. Половина убежавших — рабочие, другая половина — любопытствующие. Даже купленную еду многие бросили, не доев.

Чжун Цзыци, Чжао Нин и ещё двое стояли, глядя на внезапно притихшую улицу, и не сразу пришли в себя от такой резкой перемены.

Стоило чуть податься влево — и уже было видно, как у причала толпится народ, тесно, шумно, словно вода закипела.

— Напугало, да? — усмехнулся дядюшка Сун, глядя на их ошеломлённые лица. — Привыкнете.

Он, конечно, не стал добавлять, что когда-то сам стоял точно так же — с таким же глупо-растерянным выражением.

Чжао Шэн почесал затылок:

— Дядюшка Сун, так часто бывает?

Все четверо тут же повернулись к нему, ожидая ответа. Тот кашлянул, напуская на себя важный вид опытного человека:

— Не прям уж. Но если уж шум поднялся такой — значит, пришло крупное судно, из богатых. Народ бежит посмотреть, какие важные люди прибыли.

— Понятно...

— Ладно, это не наше дело, — спокойно сказал Чжун Цзыци, уже полностью придя в себя. — Давайте лучше уберём посуду.

Чжао Чжэнань, хоть и не скрывал любопытства — то и дело бросал взгляды в сторону толпы у причала, — всё же не сделал ни шага в сторону. Он не мог оставить Чжун Цзыци одного. Услышав его слова, он первым принялся собирать миски и палочки, аккуратно приводя в порядок прилавков.

...

А у пристани тем временем произошло странное.

Шумная толпа вдруг на мгновение стихла.

Все, как один, уставились на человека, сходящего с корабля.

Для жителей этих мест подобное зрелище было редкостью — они почти никогда не видели кого-то настолько красивого. Да ещё и молодого мужчину. Через город проходили торговые караваны, среди них попадались привлекательные люди... но никто не мог сравниться с этим — ни по внешности, ни по той неуловимой ауре, что окружала его.

Гао Ханьцзинь, приподняв бровь, оглядел замершую толпу. В их откровенном, почти жадном взгляде он уловил нечто вроде восхищения — и это его вполне устроило. Потому он великодушно решил не обращать внимания на их назойливое разглядывание.

С лёгким «шух» он раскрыл веер и, не оборачиваясь, бросил стоящему позади мужчине:

— Пойдём. Прогуляемся. Столько дней на сухом пайке — пора наконец сменить вкус.

Несмотря на высокий статус хозяина всего судна, для Гао Ханьцзиня это был первый выход в море во главе торговой экспедиции. Сколько бы ни было в нём гордости и холодного высокомерия, он всё же обладал умом. Выделяться и требовать особого отношения сейчас было бы ошибкой.

И потому он ел ту же сухую пищу, что и остальные.

И это дало результат — за полмесяца взгляды людей из его команды заметно изменились. Прежнего пренебрежения в них больше не было.

Получив приказ, сопровождающий вышел вперёд, расчищая дорогу.

Гао Ханьцзинь шёл следом, лениво покачивая веером.

Проходя сквозь толпу, он вдруг остановился.

Тонкие губы чуть изогнулись в улыбке — мягкой, почти обольстительной. Он повернулся к стоящему рядом юному геру и негромко спросил:

— Скажи, красавец... здесь есть что-нибудь вкусное?

Тот мгновенно растерялся, словно потерялся в его взгляде. Щёки вспыхнули, дыхание сбилось:

— В... впереди... там есть лавка с холодной лапшой...

— Благодарю.

Лёгкое движение рукава — и он уже ушёл, словно и не задерживался вовсе.

А тот юноша ещё долго стоял на месте, с глуповато-влюблённым выражением лица, провожая его взглядом.

Окружающие лишь покачали головами и незаметно отодвинулись подальше.

С таким — кто ж решится связать жизнь?..

<http://bllate.org/book/16132/1605786>